

Хованский Александр Владимирович

г. Мурманск, Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования города Мурманска «Детская театральная школа», 11 класс

Рецензия на спектакль «МДТ - Театра Европы» «Коварство и любовь»

Режиссёр - Л. Додин

Политическое жертвоприношение

Голая сцена. Чистая, ничем не обставленная. Пока что. Луиза Миллер, дочь учителя музыки Миллера. Чистая, ничем не обременённая. Пока что. До того времени, пока не рассервируют все зло¹, пока не расставят все столы, заточив героев и их любовь в клетку политической игры.

Спектакль Льва Додина – это акт политического жертвоприношения. «Новые молодые силы – силы светлые, полные любви, веры, надежды» приносятся в жертву государственным играм Президента фон Вальтера, исполняемым по прихоти герцога. Лев Абрамович показывает как коварство всей системы, так и отдельных людей, строящих её. Каждая сцена переплетается с другой, наплывает на следующую, и зритель, как по ниточке, идет через лабиринт трагедии. Он убрал несколько фрагментов пьесы, заменив их на некоторые упоминания об этих событиях, что в тоже время вовсе не рушит сюжет. Додин добавил тексты Жан-Жака Руссо о свободе и Отто фон Бисмарка о слабостях современных политиков, тем самым, проведя параллели с мировой историей и добавив новые идейные слои в свой спектакль. Он поместил героев на разные уровни: Леди Мильфорд снисходит к Луизе, Вурм и Президент свысока смотрят на влюбленных перед написанием письма, а Фердинанд взбирается на стол, когда угрожает своему отцу. Он заставил

---

¹Токарева, М. Так сервируют зло // Новая газета. – 2012. - №115. – URL: <https://novayagazeta.ru/arts/54857.html> (дата обращения: 19.12.2021).

героев ходить прямыми углами, как будто они шахматные фигуры на доске Президента или солдаты на параде у герцога, и расположил на разные расстояния друг от друга в зависимости от их отношений: Фердинанд и Луиза расходятся на противоположные столы, когда последняя заговаривает о разлуке, майор стоит очень далеко от Президента во время разговора с ним, влюбленные даже умирают на разных столах. Режиссер сделал персонажей свидетелями коварства и любви, поместив почти в каждую сцену дополнительного героя: Луизу – в диалог отца и сына, Президента — во все разговоры, в которых тот следит и руководит процессом. Он делает и зрителей свидетелями всех коварств, особенно в финале, когда и танцующая Леди Мильфорд, и Луиза с Фердинандом дружно смотрят в зал. И становится не по себе от того, что ты даже не попытался предотвратить трагедию, и от того, что не можешь с этим всем что-то сделать. Система продолжит существовать, случайные люди будут погибать, а правители и не подумают прекращать творить свои преступления, заканчивая все шумным и радостным банкетом. За ваше здоровье, свидетели коварства!

Пить за здоровье нужно под музыку, а здесь она только одна – «Турецкий марш» Бетховена. Под нее расстилают скатерти и выносят графины с лимонадом и свечи окружение Президента. Она, как дудочка, под которую пляшет Леди Мильфорд. Та срывается от Фердинанда, когда слышит ее. «Пора служить герцогу и Президенту!» - зовет мелодия. В исполнении Ксении Раппопорт эта героиня стала настоящей заводной куклой. Врет самым искусным образом, что даже Президент (вообще-то еще тот лжец) в восторге от такого мастерства, манипулирует так, как будто ей это проще простого, использует красоту, как свое главное оружие. Она роскошна, элегантна, изящна и с помощью этого добивается всего, что хочет. Она – актриса, которая может и жертву Герцога сыграть, и любовь к Фердинанду. Настоящая героиня-обольстительница. Но Леди никогда не любила по-настоящему и глубоко несчастна, поэтому ей так больно, когда Луиза задает вопрос о счастье. Ей осточертело выполнять все приказы, участвовать в каждом

грязном деле, поэтому в конце прекрасная Леди Мильфорд ломается, но ей ничего не остается, как продолжать «танцевать» на радость герцогу под бетховенский марш.

Сам майор (Данила Козловский) его «играет на флейте», когда начинает говорить совсем не так как в начале: очень холодно, мерзко и подло, будто некогда честный и не отступающий от своих принципов герой опустился на уровень Леди, Вурма и вообще всех слуг, подчиняющихся власти. Если тянет не к своей любимой и ее рядом нет, то этой другой можно воспользоваться, а про свою Луизу забыть. А вот, если ты думаешь, что твоя любимая тебе изменила, то тогда – она виновата, и она плохая, и ее можно попробовать задушить, как Дездемону, а потом надеть фрак и бабочку и превратиться в холодного, жестокого и злого зверя, в речи которого не слышно ни одной прежней ноты любви и счастья. Смелости признаться в своей измене нет, но есть смелость быть прямолинейным и честным с отцом, быть наглым по отношению к нему и даже угрожать. Есть смелость отравить свою возлюбленную и даже не колебаться в своем решении, а потом осознать, что сделал все не так и грешник среди вас двоих – только ты один.

В полной мере эта композиция раскрывается в финале спектакля, когда зло уже восторжествовало, и началась «кровавая свадьба». Под речь «железного канцлера» о важности национального самосознания «молодых сил», которую произносит любезный Президент, звон бокалов, которые выносят слуги, шум собирающихся гостей и эту торжественную музыку выплывает она - Леди Мильфорд. Высокопоставленная распутница продолжает служить коварству. Круг замкнулся.

У Александра Боровского, постоянного художника-постановщика Льва Абрамовича, получились очень минималистичные декорации, которые приковывают все внимание к актерам и в тоже время заставляют следить за каждой вновь появляющейся деталью, будь то, например, стол, скатерть или стул. На сцене нет ничего лишнего: стены и задник черного цвета, как

безжалостная тьма, пожирающая всех и вся; пол, выложенный деревянными досками, отсылает к паркету для танцев и к предстоящей свадьбе; на заднике фигура из балок, напоминающая крест, виселицу или позорный столб. По сути, это и есть все декорации. Но на сцену также выносятся очень много реквизита. Например, белоснежные скатерти, прикрывающие столы, которые видели немало преступлений. Увядшие невзрачные тюльпаны в безжизненных пластиковых ящиках. Пожар погребальных свечей, разделяющий Луизу и Фердинанда во время их разговора и показывающий, как они стали далеки друг от друга в отличие от начала спектакля, где не хотели заканчивать свой долгий, страстный поцелуй. В тот момент, когда Луиза уходит делать Фердинанду лимонад, слуги выносят графины именно с этим красным, как кровь молодых людей (белая скатерть окрашивается в алый цвет, когда Фердинанд разливает отравленный лимонад), напитком. В сцене также есть потайной ящичек, из которого в сцене дуэли Фердинанд достает два пистолета. Как будто у всех героев в этом спектакле есть свои потайные карманы, из которых можно достать и деньги, и письмо, и яд, и саму Леди Мильфорд. А главными фигурами действия становятся столы. Их выносят слуги Президента. Они служат и сценой, на которой разворачиваются любовные утехи Леди Мильфорд и ее танцы, и полем, на котором блаженно лежат и жадно ловят каждый момент еще ничего не подозревающие влюбленные Луиза и Фердинанд, и операционными столами, на которых изучают тех самых влюбленных Президент фон Вальтер и Вурм. На них пишут злостные письма и на них же их читают. За стол садится Президент-судья, чтобы допросить семью Миллеров и за одно своего сына. Ими заставляют все выходы со сцены, чтобы никто не убежал из лап государства. И в конце концов, за ними погибают Луиза и Фердинанд. Да-да, именно погибают. Погибают под колесами политической коварной машины. Хотя никому нет дела, потому что это всего лишь чудовищная обыденность. Вообще, то, что происходит со столами, можно сравнить со всем действием спектакля Додина и пьесы Шиллера. Ты не понимаешь, зачем их выносят, как

не понимаешь, зачем Президент творит всё это зло. А потом в финале видишь, что все совершаемое в предыдущих сценах было нужно для людей, стоящих в еще более высоком положении. Столы – для свадьбы, а смерти – для политики. Ничего личного.

В исполнении Игоря Иванова этот Президент фон Вальтер – олицетворение холодной, безжизненной и бесчувственной государственной машины, у которой глаза и уши есть в каждом углу в виде охранников и самого Президента, появляющегося почти в каждой сцене, запасные стратегии имеются на любой случай, а всякую неприятность на пути, будь то ненужный секретарь или мешающаяся невеста, можно убрать в два счета. Зализанные назад длинные, седые волосы и маленькие чиновничьи очки плюс размеренная, жесткая речь, в которой нет ни грамма сожаления или элементарной отцовской любви, делают его образцом для подражания Вурму и всем тем, кто стремится к власти, неважно правильная она или нет. Он жестокий и расчетливый, уверен в себе и непоколебим – твердо стоит на двух ногах. Для него нет ничего святого, а «за труды все что-то да получают». Его коварство, корысть и подлость не знают границ. Он – идеальный пример начальника, который с радостью будет выполнять преступные приказы людей более высокого положения, чем он. Например, Герцога.

А вот Вурм (Игорь Черневич) – идеальный пример подчиненного, винтика этой системы. Он старается соответствовать своему господину: такие же седые волосы, такой же костюм, такой же подлый и корыстный, как и Президент. Вот только он жалок и ничтожен. Он извивается как червяк на крючке Президента, изворачивается в придумывании стратегий. Сидя на стуле у Луизы, он съеживается от мысли, что его план не удался. Его ноги всегда стоят вместе, а руки у груди. Вурм любит Луизу и делает все, чтобы добиться руки и сердца девушки, но он жалок в этом занятии и недостоин даже ее пальца. Он слаб и держится только за счет милости к нему вышестоящих людей и своего положения. В конце ему хочется убить Президента, но это

только его мечты, поэтому он должен оставаться «вечным рабом его милости».

Цветовая гамма спектакля очень категоричная. В этой игре нет никаких полутонов: либо черный, либо белый, либо добро, либо зло. В таких цветах и сделаны костюмы все тем же Александром Боровским. У Луизы незаметный черный ободок и молочного цвета платье без рукавов: она свободна, уверена в себе и чиста. Такое же, но более мещанское платье у ее матери. У них даже одинаковый рисунок, что несомненно указывает нам на сходство их характеров. Здесь в противовес первой стоит Леди Мильфорд, у которой тоже белое платье. Но в сцене с Фердинандом на ней туго затянутый корсет куртизанки, демонстрирующий давление, которое оказывает на нее Президент фон Вальтер и Герцог, а также огромное количество рюш, которое есть и во втором платье уже с рукавами в сцене разговора с Луизой. Под платьем у нее черные колготки. Она лишь притворяется жертвой манипуляций и обстоятельств, она сама вступила в эту игру. На груди висит крест. Это такая очень ироничная деталь: крест есть, а веры нет.

У Президента абсолютно черный костюм: сталинско-керенский френч, заключающий человека в своеобразный футляр, брюки, блестящие туфли, галстук, спрятанный под жилетку. Но предательски выглядывает белая рубашка, как последняя надежда на его доброту и отцовскую любовь, которая всё-таки не оправдывается. Вурм пытается максимально соответствовать своему господину: черный пиджак, жилетка, бабочка, брюки и туфли – в общем, все тот же комплект, но белая рубашка, ворот которой душит секретаря, видна все-таки больше.

Фердинанд начинает спектакль в белой рубашке, такого же цвета жилетке, черных брюках и солдатских сапогах. Когда он встречается с отцом или находится под его влиянием, он надевает фрак, а в конце еще и бабочку, как будто готовится к предстоящему балу, а ворот рубашки, как у Вурма, сдавливает его шею. Такой же фрак надевает отец Луизы перед приемом у

Президента, а жабо, обременяющее Миллера своим официозом, он использует как платок для сморкания. Панталоны, белые колготки и особые туфли отсылают к образу придворных музыкантов, хотя он всего лишь учитель музыки. Возвращаясь к Фердинанду, можно сказать о сапогах, которые напоминают о его службе в армии, солдатской смелости и верности своему слову, но в тоже время говорят, что подчинение и следование приказам у него в крови. Снимая фрак пред смертью, он как бы освобождается от оков отца и осознаёт всю неправильность своих действий, к нему приходит ясность мыслей и понимание, но уже поздно. Он неосознанно принес в жертву Президенту и политике себя и свою невинную Луизу.

Окружение Президента в виде телохранителей (Владимир Захарьев, Артур Козин, Леонид Луценко, Станислав Никольский, Никита Сидоров, Станислав Ткаченко), постоянно следующих за ним, одето в лицемерно-белые пиджаки официантов-слуг, которые обслуживают своего правителя, по приказу, произнесенному им в маленький микрофон, выставляют все столы и стулья, выносят новые предметы и забирают ненужных людей. Через их наушники охранников доносятся все указания, которые они в свою очередь беспрекословно выполняют. Они – винтики машины и тени Президента. Холодные и бесчувственные, как и вся система. В них нет ни капли сожаления и сострадания к героям. Они безжизненные роботы с каменными лицами, готовые обслуживать любую власть и приносить себя ей в жертву.

Свет в этом спектакле делится на три типа: теплый, холодный и смешанный. Теплый, мягкий, солнечный свет есть там, где царят чувства и любовь, он всегда рядом с Луизой и ее семьей и с Фердинандом до перемены его настроения. Холодный, мрачный, точечный, очень жесткий свет принадлежит Президенту и его охранникам. Это свет политической машины, бесчувственной, черствой и безжизненной. Также он существует рядом с Фердинандом, находящимся под влиянием отца. А смешанный свет появляется рядом с Вурмом и Леди Мильфорд, как олицетворение их

внутренней борьбы между их чувствами и системой, которой они принадлежат. Еще он есть во время последнего диалога майора и Луизы. Здесь происходит соединение теплоты чувств девушки и жестокости Фердинанда. В финале спектакля свет из холодного (Президент говорит тост) переходит в концертный искусственный, безжизненный — свет светского бала, в котором нет ничего настоящего.

А вот кто единственно настоящий, кто до конца остается верен себе, своей любви и семье, несмотря ни на что, так это именно Луиза. Её сыграла в спектакле Льва Абрамовича Елизавета Боярская. У актрисы получился очень светлый образ невинной девушки, которая в тоже время очень смелая, уверенная в себе, свободная и, главное, внутренне сильнее всех. В ней нежность и вера в идеалы сочетаются с прямолинейностью и, если надо, жесткостью своего характера. Она не боится ни Президента, ни Леди Мильфорд, потому что по-настоящему в отличие от них счастлива и уверена, что не делала ничего плохого, в чем ее могут упрекнуть. Именно поэтому Луиза спокойно может указывать низким реверансом у стула Леди Мильфорд на ее положение и то, чем она занимается, на ее слабость и несвободу. Она любила Фердинанда, ждала его приход, не могла из-за него читать и готова была отправиться в могилу с ним, но как ни странно в тот момент, когда она осознает, что скоро придет смерть, ее лицо покрывает маска ужаса, и первыми, о ком она вспоминает – это родители.

Её бедные родители, которых она любила всем сердцем. Отец (Сергей Курышев) – прямой и честный, обычный мещанин, «маленький человек», которому достается от сильных мира сего за свою смелость и прямолинейность, за свои принципы. Но большие деньги могут сыграть с человеком злую шутку. Они превращают Миллера в червяка, такого же как Вурма. Он в этот момент уже не сидит за столом, а как будто ползает под ним, валяясь в ногах майора. Единственное, что нужно этому существу в данный момент – это деньги, деньги и только деньги. На них теперь можно играть, как

на пианино, их можно вытирать о рубашку, можно яростно и бешено мечтать. Можно забыть о том, что, вообще-то, до недавнего времени ты ненавидел Фердинанда, а теперь это твой господин и повелитель, для которого нужно сделать все, что его душенька захочет. И уже без отвращения на Миллера не посмотришь.

А вот характер жены можно считать в одном ее крике: «Смилуйтесь!» В нем материнская боль за дочь, за мужа и, в конце концов, за себя. Актриса Татьяна Шестакова сделала свою героиню более нежной и чувственной, чем в пьесе. Здесь она не сопротивляется словам мужа и не выходит вперед, а стоит за ним и вместе с ним. И вместе с Миллером переживает трагедию дочери до самого конца.

Марина Токарева в своей рецензии в «Новой газете» сказала: «Лев Додин измерил Россию шиллеровским “аршином”»²¹. И сейчас это звучит еще более остро и современно. Спектакль - портрет вообще всех авторитарных, диктаторских или тоталитарных систем, когда планы одного правителя важнее всего, а на обычных «маленьких» людей просто хотели плевать. Когда этот правитель – кукловод, управляющий всеми своими слугами, и все они «вечные рабы его милости». Портрет государства, в котором боятся любого проявления инакомыслия, неподчинения коварным и преступным планам. Государства, в котором боятся свободной, чистой и счастливой любви. Государства, в котором боятся молодежь, цитирующую Жан-Жака Руссо, как Библию. Только здесь герои могут проснуться и понять, что если умрешь, то «...начнешь опять сначала, и повторится все, как встарь». Коварство продолжит свою игру и другого исхода нет и не предвидится. Чудовищная обыденность, что сказать. Поклон. Аплодисменты. Занавес.

---

2 Токарева, М. Так сервируют зло // Новая газета. – 2012. - №115. – URL: <https://novayagazeta.ru/arts/54857.html> (дата обращения: 19.12.2021).